

говорили миссионеры, а с политическими целями. Видимо, в Моравии уже с 30-х годов IX в. существовала подчиненная Пассаускому епископству церковная организация в форме архипресвитериата; из источников следует, что представители баварского клира выражали интересы франкских государей. В. Вавржинек убедительно доказал, что предшественник Ростислава князь Моймир приспособился к такому положению и использовал хорошие отношения с Франкской империей для того, чтобы укрепить и расширить свое господство. Однако в изменившейся исторической ситуации планы Ростислава вступили в противоречие с Франкской империей: они были направлены на ликвидацию зависимости от могущественного соседа.

О попытках избавиться от влияния франкского клира говорит ряд мероприятий Ростислава: в 855 г., когда напряженные отношения с Франкской империей вылились в конфликт, он выслал баварский клир из страны. В начале 60-х годов Ростислав попытался получить для Моравии церковное управление из Рима, и лишь после того, как он не добился успеха в папской курии, он обратился с аналогичной просьбой к византийскому императору. Ростислав просил о «епископе и учителе», иными словами, о создании самостоятельной и независимой церковной организации, которая должна была положить конец вмешательству Франкской империи во внутренние дела Моравии и укрепить власть князя как внутри, так и за пределами его государства.

Во время этих переговоров стали обрисовываться и внешнеполитические аспекты, которые исследовали В. Златарский и Ф. Дворник: союз франков и болгар против Византии в связи с борьбой папской курии за церковно-правовые полномочия в Иллирике. Этот союз представлял собой угрозу Великой Моравии как со стороны Франкской империи, так и со стороны Болгарии. В этом историческом контексте вполне ясно, что византийский двор пошел навстречу просьбе Ростислава и послал в Моравию хотя и не епископа, но все же известных и зарекомендовавших себя своей предшествующей деятельностью лиц, а именно Константина и Мефодия, с заданием создать в Моравии необходимые предпосылки для организации церковного управления. Разумеется, лишь на следующем этапе там должен был быть утвержден диоцез, подчиненный константинопольскому патриарху.

Византийские миссионеры приступили к выполнению этого задания, имея собственный план: они стремились создать в Великой Моравии такие условия, которые позволили бы привлечь на ее сторону и включить в моравское государство другие славянские страны. Это в свою очередь должно было принести пользу византийской церкви, расширить сферу влияния византийской культуры и власти. Основная особенность этого далеко идущего плана заключалась в том, что средством к достижению указанной цели должна была стать славянская литургия.

Одновременно Мефодий стремился к тому, чтобы разработать определенную церковно-правовую основу для деятельности церковной миссии в Моравии. Об этом свидетельствуют переводы правовых памятников. Исследования Номоканона, переведенного Мефодием, показывают, что перевод представляет собой выборку из Синагоги Иоанна Схоластика, которая была обработана с учетом местных условий, так что можно говорить о «новом, великоморавском типе Номоканона». Й. Вашица датирует его возникновение временем борьбы за собственный, независимый от франкской иерархии диоцез, борьбы, в которой Мефодий опирался на нормы Номоканона.

К великоморавскому правовому наследию причисляют также так называемую анонимную Гомилию сборника Клоца, в которой Гривец и Вайан, независимо друг от друга, определили наставление Мефодия судьям-князьям. Анализ памятника показал, что речь идет о комментарии к Закону Судному людем, возникновение которого чехословац-